

ПЯТНИЦА, 9 СЕНТЯБРЯ 1988 ГОДА

МОСКОВСКАЯ
ПРАВДА

Сегодня 160 лет со дня рождения Л. Н. Толстого

ЭТО ЦЕЛЫЙ МИР

«Толстой — это целый мир», — сказал М. Горький. И этот огромный, мощный мир мы начинаем постигать с детства. Волнуемся вместе с Филиппком, примут ли в школу, раскрыв рот, слушаем о дружбе льва и собачки, радуемся счастливому спасению деревенских ребятишек от пожара... А потом, уже в школе, вместе с героями «Войны и мира» размышляем о судьбах России, стремимся быть похожими на Наташу Ростову или на Андрея Болконского... Став взрослыми, вновь и вновь обращаемся к бессмертным страницам произведений гения.

Мир Толстого, столь близкий душе каждого думающего человека, оказывал и продолжает оказывать свое глубокое влияние на формирование нравственных идеалов. Личность писателя стала предметом художественного исследования многих выдающихся русских и советских живописцев и скульпторов. Многие из произведений, посвященных Льву Николаевичу Толстому, можно увидеть в мемориальных музеях. К 160-летию Толстого музей на Кропоткинской улице, 11, приобрел скульптурный портрет великого сына России, созданный нашим земляком Михаилом Ильевым. Ваятелю удалось выразить в своем произведении могучий ум мыслителя и философа, остроту и проника-

тельность его взгляда. Портрет вызывает в памяти слова В. И. Ленина: «...Какой матерый человеиче...».

Работа московского скульптора займет достойное место в богатейшем собрании вновь открытого после реконструкции музея Л. Н. Толстого, где посетители могут познакомиться с уникальными экспонатами. Достаточно сказать, что в музее на Кропоткинской, 11, хранится более 70 тысяч рукописей гениального писателя, редкие фотографии, автографы, письма, документы, вещи. И коллекция все пополняется.

Многие из вновь поступивших экспонатов представлены на выставке «Толстой — это целый мир», приуроченной к его 160-летию. Корифей русской литературы раскрывается здесь во всей полноте своей многогранной личности — как художник, философ, общественный деятель, педагог, отец семейства... Но прежде всего как человек, стремившийся к постоянному духовному самоусовершенствованию.

Выставка в музее дает нам почувствовать масштаб личности Толстого, его неустанные поиски истины и красоты, его страстное желание сделать мир лучше и добрее. Именно об этом говорит он с нами сегодня, как живой с живыми.

Л. АЛЕКСАНДРОВА.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЛСЯ ПИСАТЕЛЬ

В один из январских дней 1837 года через Серпуховские ворота в Москву въехали семь экипажей. В них разместились многочисленные дворянское семейство с детьми, переезжающее в город из тульского имения. Господ сопровождали крепостные дворовые люди. В одном из экипажей сидел восьмилетний дворянский мальчик, впервые попавший в город. Нет, не просто с живым любопытством, с восторгом смотрел он на золотые маковки церквей, перепутанные переулки, выходящие вдоль площадей и бульваров, с восторгом слушал перезвон колоколов, многоголосый шум тесных московских улиц.

Как же необыкновенно ярко, глубоко были те детские впечатления, если через очень долгие годы, уже в 1903 году всемирно известный писатель Лев Николаевич Толстой так ясно и отчетливо вспоминал свою первую встречу с Москвой: «Был хороший день, и я помню свое восхищение при виде московских церквей и домов, восхищение, вызванное тем тоном гордости, с которым отец показывал мне Москву». Наверное, в те дни, в чуткой, очень восприимчивой к высокому душе мальчика пробудилось то патристическое чувство, которое с такой силой прозвучит в романе «Война и мир». Недаром уже в десять лет по собственному побуждению Левушка Толстой пишет свое первое сочинение — и посвящено оно описанию Московского Кремля.

Взрослея годами, молодой Толстой глубже осознает Москву как центр национальной жизни русского народа, центр его многовековой культуры. И как в детстве, будет переживать те же чувства радости и восторга при встрече с древней русской столицей. У писателя, естественно, эти чувства отзовутся художественно. «Москва-то, Москва-то, матушка белокаменная!» — восклицает герой незавершенного романа «Декабристы» Лазарев, впервые после возвращения из ссылки слыша перезвон московских колоколов.

Более 150 раз бывал Лев Николаевич в Москве. Иногда он проводил здесь всего несколько дней, в других случаях жил по году и более. «...Из всех город-

ских жизней московская... самая близкая и приятная...», — напишет он в письме к А. Е. Берсу в годы работы над романом «Война и мир». Но во всех случаях пребывания Толстого в Москве — это не просто факт его биографии, это факт его идейно-философского становления, духовного развития.

И поэтому очень жаль, что московских домов, в которых в разные годы жил Лев Николаевич, становится все меньше. А ведь высокий пример бережного государственного отношения не только к литературному наследию великого писателя, но и к местам, связанным с его жизнью, дал нам Владимир Ильич Ленин. В первые же годы Советской власти, в труднейшее для молодой страны время, 6 апреля 1920 года был издан подписанный Лениным декрет о национализации дома Льва Толстого в Москве. Владимир Ильич мечтал, чтобы произведения гения мировой литературы стали «достоянием всех». Как вспоминает Бонч-Бруевич, Ленин лично посетил Хамовники и, внимательно все осмотрев, дал точные указания по организации музея.

20 ноября 1921 года — день открытия мемориального музея, одного из самых посещаемых в Москве. И сегодня, когда Толстой — один из самых читаемых писателей земли, надо помнить ленинский завет.

В первый свой приезд в Москву зимой 1837 года большая семья Толстых поселилась в одноэтажном приземистом доме Щербачева на Плющихе (ныне дом № 11). Люди, с которыми будущий писатель здесь общался, как живые предстали перед нами в его бессмертных «Детстве» и «Отрочестве». Дети заняли мезонин дома. Левочка любил ребячью компанию, любил верховодить и часто старался совершить что-нибудь необыкновенное. Однажды он выпрыгнул из окна мезонина и очень сильно ударился о землю. «Его нашли лежащим на дворе и потерявшим сознание», — пишет биограф Льва Николаевича Бирюков со слов его сестры. «К счастью, он ничего себе не сломал, и все ограничилось только легким сотрясением мозга; бессознательное состояние пе-

решло в сон, он проспал подряд 18 часов и проснулся совсем здоровым».

Губернером у детей был добродушный немец Федор Иванович Рессель. С большой любовью, мягким юмором, сочувствием к одинокому человеку вывел Толстой его в повести «Детство» под именем Карла Ивановича.

В этом же доме появился у детей новый губернатор — француз Сен-Тома, изображенный в повести «Отрочество» под фамилией Сен-Жерома. Сен-Тома однажды несправедливо наказал маленького Толстого, закрыв его в комнате и угрожая розгами. Несправедливость и насилие пробудили такую бурю в душе мальчика, что этого чувства Толстой забыть не мог. В 76-летнем возрасте он пишет об этом событии: «Едва ли этот случай не был причиной того ужаса и отвращения перед всякого рода насилием, которые я испытывал всю свою жизнь».

Вообще жизнь в этом доме дала живому уму маленького Толстого пищу для новых, не поддетски серьезных размышлений, способствовала умственному и духовному его развитию. Во второй части автобиографической трилогии «Отрочество» Толстой пишет: «Случалось ли вам, читатель, в известную пору жизни, вдруг замечать, что ваш взгляд на вещи совершенно изменяется, как будто все предметы, которые вы видели до тех пор, вдруг повернулись к вам другой, неизвестной еще стороной? Такого рода моральная перемена произошла во мне в первый раз во время нашего путешествия, с которого я и считаю начало моего отрочества». Перечитав страницы «Детства» и «Отрочества», подошла к дому на Плющихе, 11, и меня охватило удивительное чувство прикосновения к прошлому. А ведь ведь все сохранено таким, каким предстало оно перед Толстым в детстве, — впечатление было бы куда острее!

Да, случилось все не так, как того желали сотрудники музея Л. Н. Толстого, да и вся общечеловечность столицы. Они ожидали, что после того как из дома выселят жильцов, на Плющихе откроется филиал музея с ме-

мориальной экспозицией «Детство Л. Н. Толстого». Для этого было сделано многое: найдены чертежи комнат и дома, и мезонина такими, какими они были полтора столетия назад, собран уникальный материал для будущего филиала. Однако дом перестроили для 12-го отделения ГАИ, изменив его внешний облик и нарушив внутреннюю планировку.

Но у дома останавливаются не только патрульные машины. Сюда часто приходят школьники, москвичи и приезжие, в жизнь которых с детства вошли произведения Толстого. Я видела, как дорог им этот сохранившийся дом. И поэтому покидала двор и дом на Плющихе, 11, с надеждой, что сюда откроется все же еще одна литературная тропа: путь в мир дорогих и любимых героев произведений Толстого. Сотрудники музея мечтают развернуть здесь выставку «Толстой — детям». Со зрительным залом, кинолекторием, библиотекой. И так естественно здесь бы прозвучало напутствие Толстого детям, записанное ему Эдисоном.

Так же уникален и интересен, с моей точки зрения, дом № 34 по Сивцеву Вражку. Толстой жил здесь с декабря 1850 года по апрель 1851 года. Этот деревянный одноэтажный дом, отмеченный на плане Москвы середины прошлого века, и сейчас стоит торчком к переулку, в маленьком уютном дворике под сенью старых деревьев. Ценность его в том, что он почти не перестроен. «Моя квартира очень хороша», — пишет молодой Толстой отсюда своей родственнице и воспитательнице Т. А. Ергольской, — она состоит из четырех комнат: столовая, где у меня уже есть маленький рояль, который я взял напрокат, гостиная с диванами, шестью стульями, столами орехового дерева, накрытыми красным сукном, и тремя большими зеркалами, кабинет, где мой письменный стол, бюро и диван... и еще одна комната, которая достаточно велика, чтобы служить и спальней и уборной, да еще маленькая прихожая».

Здесь, в этой уютной квартире, молодой Толстой пробует свои силы как писатель: в декаб-

ре 1850 года он начинает «Повесть из цыганского быта», в январе 1851 года — повесть «История вчерашнего дня», а через два месяца после этого — роман «Четыре эпохи замедления». Рукописи первой повести оказались неоконченной, а потом утерянной. Но другие замыслы воплотились в трилогию «Детство», «Отрочество», «Юность». Уже в этих произведениях заложены главные особенности художественного мастерства Толстого, который начал свою литературную деятельность как новатор. Чернышевский, кстати, одногодок с писателем, впоследствии очень глубоко определил черты этого новаторства, сказав, что Толстой необыкновенно тонко передает переход одних чувств в другие, то есть проникает в «диалектику души» человека.

Наверное, потому, что этот дом стал колыбелью Толстого-писателя, Лев Николаевич всегда с особым задушевным чувством вспоминал о нем, думал одно время поселиться там с семьей, а в эпилоге романа «Война и мир» «поселит» на своей бывшей «маленькой квартире на Сивцеве Вражке» разоренных войной 1812 года Ростовых. Нам этот дом особенно дорог, потому что здесь началась литературная деятельность Толстого.

И ныне, когда Сивцев Вражек становится поистине музейным переулком, вполне естественно возникает мысль о возможности создать неподалеку от мемориальных домов Аксакова и Герцена музей молодого Л. Н. Толстого.

А в том, что эти мемориальные музеи великого писателя нужны Москве, убеждает интересная, полнокровная жизнь молодого нового филиала Государственного музея Л. Н. Толстого на Пятницкой, 11, куда, как и по другим толстовским адресам, ежедневно приходит множество людей.

Д. ЕНИКЕЕВА.

Генеральная репетиция спектакля «Чем люди живы» литературного театра Л. Н. Толстого прошла на территории усадьбы в Хамовниках.

НА СНИМКАХ: Татьяна Львовна — актриса Н. БОГУНОВА; фольклорная группа «Древо». Фото А. ГОРИНА.

